О. Б. Степанова

ТРАДИЦИОННАЯ ИГРУШКА СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ

Традиционная игрушка северных селькупов, сегодня ими почти забытая, до сих пор никем не исследовалась. Между тем, она представляет собой яркий фрагмент традиционной селькупской культуры. Исследование ставило своей задачей вернуть селькупскому народу этот элемент его культуры в форме научного описания. На основе главным образом музейных материалов и отчасти полевых материалов автора были выявлены и рассмотрены пять типов игрушки северных селькупов, включая шесть видов куклы. Из-за нехватки селькупского материала в исследовании активно использовался метод научной реконструкции. Описания зафиксированных у селькупов типов и видов игрушки воссоздавались по материалам игрушки соседних народов. Попутно устанавливалось, какие традиции — западносибирские и восточносибирские — оказывали влияние на формирование облика того или иного типа/вида игрушки у селькупов. Был рассмотрен вопрос о связи североселькупской игрушки — вещи утилитарного значения — с сакральным или, иными словами, вопрос ее символических смыслов. Автор пришла к выводу, что все типы и виды селькупской игрушки в прошлом были сакральными обрядовыми предметами, и что в семиотическом статусе игрушки соотношение «знакового» и «вещного» со временем сдвинулось в сторону «вещного». Завершенный вид исследованию придали включенные в него материалы по современному состоянию традиционной североселькупской игрушки.

Ключевые слова: северные селькупы, ненцы, ханты, эвенки, кето, традиционная культура, традиционная игрушка, семиотический статус вещи.

Введение

Предметом данного этнографического исследования служит традиционная игрушка северных селькупов, относящихся к малочисленным народам Западной Сибири. Ракурс исследования определяется рамками классического для этнографии подхода: обогатить картину культуры народа, рассмотрев один из ее фрагментов. В задачи исследования входит: выявить и подробно описать, включая сведения о технике исполнения и использовании, все типы национальной селькупской игрушки; найти или не найти аналогичные типы у соседних народов и сделать выводы о влиянии культур и путях распространения типов; реконструировать с помощью материалов по игрушке соседних народов недостающие описания типов и видов селькупской игрушки; объяснить связь игрушек с сакральной сферой жизни; выделить современные изменения в традиционных игрушках и играх; определить значение игрушек как элемента самобытной селькупской культуры. Предполагается, что исследование внесет свой вклад в этнографическую науку и будет актуально для самих северных селькупов, у которых сегодня происходит процесс формирования новой этничности, собирания и переосмысления традиционной культуры¹.

Согласно этим задачам в работе над статьей применялся анализ, методы описания, типологизации, сравнения и реконструкции, для сбора части материалов использовались методы полевого исследования.

Североселькупская игрушка до сих пор еще не становилась объектом отдельного исследования. Данные по традиционной селькупской игрушке и игрушке соседних с селькупскими народов были почерпнуты из исследований С. В. Иванова (1970) и А. А. Малыгиной

¹ Данное исследование было выполнено по запросу «с мест»: корреспондент Красноселькупской районной телекомпании «Альянс», отвечающая за национальное направление работы, собираясь делать передачу по традиционной селькупской кукле, обратилась к автору с просьбой помочь материалами. Ранее сожаления о неимении научных разработок по традиционной селькупской кукле автору высказывали сотрудники Красноселькупского краеведческого музея.

(1988), написанных по материалам музейных коллекций. Дополнением к ним служили сведения по современному состоянию традиционной игрушки, собранные автором во время десяти экспедиций к селькупам в период с 2004 по 2019 гг. Поиски и объяснения связей селькупской игрушки с сакральной сферой жизни строились на основе авторских разработок по традиционному селькупскому мировоззрению (Степанова, 2010, 2014, 2016 и др.). Из теоретических работ исследование опиралось на статью А. К. Байбурина «Семиотический статус вещей и мифология» (1981) и монографию И. А. Морозова «Феномен куклы в традиционной и современной культуре» (2011).

1. Типы и виды традиционной игрушки у селькупов

Согласно имеющимся материалам, традиционная селькупская игрушка была классифицирована по следующим типам:

- 1) Изображения животных;
- 2) Модели транспортных средств и предметов из сферы хозяйственных занятий и быта;
- 3) Куклы:
 - из ткани с головой из утиных клювов;
 - куклы-скрутки;
 - из бабок и косточек птиц, из необработанных палочек;
 - набивные куклы;
 - деревянные куклы с проработанными чертами лица;
 - Кандальдук;
- 4) Игрушки для младенцев;
- 5) Качели.

1.1. Изображения животных

По материалам С. В. Иванова, селькупские игрушки первого типа имеются в коллекциях Новосибирского музея (НМ, № 31-72), Красноярского музея (КМ, № 140-346) и Российского этнографического музея (РЭМ, № 273-23; № 4331-27) (Иванов, 1970: 125). Это «довольно грубо обработанные деревянные лошадки, миниатюрные олени, выдры, гуси», в том числе «олень с железными рогами» — их подробного описания С. В. Иванов не приводит. Но поскольку данный тип игрушек широко распространен в Сибири и хорошо представлен в музейных коллекциях по другим народам, есть возможность воссоздать описание этого типа по материалам соседних с селькупам народов.

У ненцев, по описанию С. В. Иванова, изображения животных делались как взрослыми, так и детьми. Материалом для них обычно служило дерево. Среди изображений преобладали олени. Чаще всего играли в «оленьи стада» мальчики. Ненецкие олени-игрушки были нескольких видов. Юраки Тазовской губы изготавливали оленей из щепок и лучинок. Для таких оленей характерны плоское туловище, четыре ноги и ветвистые рога. У юраков были и более крупные олени, длиной около 30 см, вырезанные из деревянного бруска, иногда им делали проволоочные рога. Так как юраки были ближайшими соседями тазовских селькупов, скорее всего, у селькупских детей были игрушечные олени такого же вида, как у юраков (Иванов, 1970: 71).

У эвенков для детских игр тоже чаще всего вырезали оленя. Приенисейские или сымские эвенки делали оленей из веточек или прутьев, в то время как на восток от Олекмы-Алдана их вырезали из куска дерева. Деревянные эвенкийские олени обычно представляли собой коротконогих животных, иногда лишенных рогов, с обобщенной передачей формы тела (Иванов, 1970:143) Описания селькупских игрушечных оленей, сделанных из веточек и прутьев, исследователи не оставили, и зафиксированная селькупская традиция изготовления

олений из цельного куска дерева несколько отличалась от эвенкийской, но исключать наличие у селькупов оленей, выполненных в «эвенкийском» стиле, нельзя, поскольку на восточных рубежах своего расселения селькупы создавали смешанные группы с эвенками, приходящими в Западную Сибирь из различных восточносибирских районов, и влияние эвенкийской культуры на селькупскую здесь было очень сильным.

По этим же причинам можно предполагать, что у селькупов имелись игрушечные изображения оленей и других животных, вырезанные из бересты, характерные для всех групп эвенков. Берестяные олени эвенков в отличие от их же деревянных оленей имели правильные пропорции и реалистические черты. Бересту резали ножом, положив ее на дощечку, контур изображения предварительно не наносился. Фигурки оленей расставляли на земле, слегка раздвинув им ноги (Иванов, 1970: 145).

1.2. Модели транспортных средств и предметов из сферы хозяйственных занятий и быта

Ко второму типу игрушек северных селькупов, представляющих собой миниатюрные модели транспортных средств и предметов из сферы хозяйственных занятий и быта, относятся «ружья, охотничьи снаряды (кляпцы) и берестяные колыбельки для кукол» – эти предметы С. В. Иванов нашел в коллекциях Новосибирского музея (НМ, № 31-35) (Иванов, 1970: 112). Поскольку другой информации по данному типу селькупских игрушек в литературе не содержится, восполнять лакуны в его описании автор будет опять же с помощью материалов по соседним с селькупам народам.

Редуцированные орудия труда и средства передвижения были у всех соседей селькупов. Имеющиеся в музейных собраниях предметы подтверждают, что детям хантов и манси игрушками служили маленькие луки и стрелы, лодочки с веслами, нарточки, «сверла с тетивой и насаженным на нее луком (реликтовая форма, напоминающая вышедший из употребления лучковый снаряд для добывания огня путем трения)», маленькие чумашки из бересты (Иванов, 1970: 17). У ненецких детей были луки и деревянные челноки-однодревки с веслами и человеческой фигуркой внутри, нарточки из птичьей кости. Несмотря на то, что у кетов бытовая скульптура не получила развития, кетские дети играли в игрушки, изображавшие маленькие деревянные нарты, берестяные лодочки, деревянные наковальни и молотки, курительные трубки, а также миниатюрные бубны с колотушками (Иванов, 1970: 125).

Эвенкийские мальчики мастерили небольшие луки и ружья, играли миниатюрными берестяными лодками – их пускали на воду, ставили игрушечные сети и бросали в воду щепочки, изображавшие рыб. Девочки-эвенки играли «в аргиш» и «в стойбище». Игрушечную утварь — колыбельки, летние юрты и другие предметы эвенки изготавливали из бересты. В Музее антропологии и этнографии (МАЭ) хранится комплект игрушек, который изображает перекочевку эвенкийской семьи. Он был приобретен Г. М. Василевич у эвенков с истоков Алдана. В набор входят деревянные олени, человеческие фигурки (бабки), а также собаки. К оленям привязан различный груз: седла, турсуки, потники, коврики, покрывала, подушки, столики и другая мелочь, сделанная из дерева, древесной коры, кусочков меха и материи (МАЭ, № 60-47-1-16) (Иванов, 1970: 143). Река Алдан находится далеко от мест проживания селькупов, но историческая миграция эвенков из разных, в том числе самых дальних мест на западный берег Енисея позволяет думать, что у селькупов тоже были подобные игрушки.

В пользу существования у селькупов таких же, как у эвенков, детских игр «в аргиш» или «в стойбище», говорят современные полевые материалы автора. В них имеются фотографии двух композиций игрушечного стойбища. Одну из них автор сфотографировала на краю села Кикки-Акки, расположенном на р. Таз. Стойбище было сделано из песка, обрезков деревянных брусков и щепок, на нем были изображены землянка с козырьком над входом, летняя кухня под навесом и две хозяйственные постройки (Рис. I. 1.). Вторую поделку автор

обнаружила в Доме культуры села Толька на р. Таз среди работ кружка/студии детского рукоделия. Стойбище было размещено в круглой картонной коробке из-под чайного сервиза. Оно состояло из чума, сделанного из меха нутрии, навеса для хранения вещей, выполненного из деревянных палочек-стоек, поддерживающих «крышу» из суконного лоскута, и двух фабричных игрушечных фигурок — человечка в стилизованной национальной одежде северных народов и лося. Дно коробки было выстлано ватой и ягелем, ветки сухих травянистых растений изображали деревья (Рис. I. 2.). Экспедиционные материалы автора дают возможность расширить список селькупских игрушек второго типа, в них имеются фотографии игрушечных нарт, луков, лодок-долбленок, чумов, ружей, а также современных средств передвижения — катеров, снегоходов, машин и современного оружия — автоматов, пистолетов и (sic) арбалетов (Рис. II. 1–6, III. 1–5, IV. 1.). В этот перечень следует добавить детали от старых лодочных моторов, снегоходов и других ненужных взрослым предметов быта, которые селькупские дети очень любят превращать в свои игрушки (Рис. III. 6.).

Рис. I. 1 — Композиция игрушечного стойбища, с. Кикки-Акки, Красноселькупский район ЯНАО, фото автора, 2012 г.; 2 — Композиция игрушечного стойбища, с. Толька, Красноселькупский район ЯНАО, фото автора, 2012 г.

1.3. Куклы

Третий тип селькупских игрушек — куклы. В ходе исследования было выявлено несколько видов традиционных селькупских кукол. Прежде чем перейти к их описанию и анализу, следует заметить, что количество селькупских кукол, представленное в музеях и имеющееся материалах автора, сильно уступает количеству кукольных музейных экспонатов по ненцам, хантам и эвенкам. Предполагаемых причин тому может быть две, первая — традиционным куклам селькупских детей в свое время не повезло попасть в музейные коллекции в том же количестве, в каком оказались там куклы детей ненецких, хантыйских или же эвенкийских. Вторая причина — возможно, что у селькупских детей было традиционно меньше кукол, чем у детей соседних народов. Нельзя также не учитывать численное превосходство этих народов над селькупками. Мысль о том, что количество кукол в музеях зависит от численности самого народа, подтверждают кеты: кетов в пять раз меньше, чем селькупов, и кетских кукол в музеях почти нет. Из-за скудности селькупских материалов по куклам автор была вынуждена активно пользоваться методом реконструкции.

К первому виду североселькупских кукол автор отнесла **куклы с головой из утиных клювов**. С. В. Иванов зафиксировал этот вид кукол селькупов среди музейных экспонатов, но описания ему он не дал, поэтому автору придется транслировать это описание из материалов по ненцам и хантам. У хантов и ненцев куклы с головой из птичьих клювов являются одним из национальных брендов, широко представлены в коллекциях множества музеев и детально описаны в литературе. Эта особенность дает основания утверждать, что куклы с

Рис. II. 1, 2 — Игрушечные катера, с. Ратта, Красноселькупский район ЯНАО, фото автора, 2008 и 2019 гг.;
3 — Игрушечный лук, лесное угодье Русский Ковш, Туруханский район Красноярского края, фото автора, 2014 г.;
4 — Игрушечный лук (длиной около 5 см), рыбугодье Кяли Мач, Красноселькупский район ЯНАО, фото автора, 2012 г. **5, 6** — Снегоходы-игрушки, с. Ратта, Красноселькупский район ЯНАО, фото автора, 2016 г.

головой из птичьих клювов были переняты селькупам у них. Принимая во внимание, что от этих же народов к северным селькупам пришли оленеводство, одежда и многие другие элементы традиционного быта, данное утверждение не оставляет сомнений.

По материалам А. А. Малыгиной, голова ненецких кукол сделана из клюва (надклювья) водоплавающих птиц — уток и гусей — и пришта к туловищу через имеющиеся в нем носовые отверстия. Туловищем куклы служит трапециевидный кусочек сукна с вертикально нашитыми разноцветными полосками материи, руки и ноги у изображения отсутствуют. Сверху на куклу надеваются паницы и малицы, покроя которых передает покроя и украшение ненецкой одежды. Существуют целые семейства таких кукол без одежды, которые

Рис. III. 1 — Игрушечный автомат, лесное угодье Русский Ковш, Туруханский район Красноярского края, фото автора, 2014 г.; **2** — Игрушечное ружье, с. Ратта, Красноселькупский район ЯНАО, фото автора, 2016 г.; **3** — Игрушечный пистолет, лесное угодье Усть-Баиха, Туруханский район Красноярского края, фото автора, 2014 г.; **4** — Игрушечный арбалет, стойбище на р. Печальке, Красноселькупский район ЯНАО, фото автора, 2019 г.; **5** — Машинка-игрушка, лесное угодье Русский Ковш, Туруханский район Красноярского края, фото автора, 2014 г.; **6** — Мальчик, играющий с деталью от старого мотора, с. Ратта, Красноселькупский район ЯНАО, фото автора, 2005 г.

сшиваются друг с другом по бокам туловища (МАЭ, № 1134-1). Размеры кукол без одежды составляют 7–11 см (Малыгина, 1988: 130).

Пол у таких кукол определяется по одежде (паница у женщин и малица у мужчин), а также по наличию кос и украшений у женщин. Косы представляют собой прикрепленные к клюву с обратной стороны две полоски сукна, на которые в большом количестве нашиваются ниточки бисера, пуговицы, металлические цепочки и пластинки. Кроме того, у кукол,

Рис. IV. 1 — Игрушечные предметы быта в витрине музея школы-интерната с. Толька, Красноселькупский район ЯНАО, фото автора, 2012 г.; 2 — Селькупские куклы, выполненные мастерами Центра селькупской культуры, с. Красноселькуп, Красноселькупский район ЯНАО, фото автора, 2008 г.; 3 — Селькупские куклы, выполненные мастерами Центра селькупской культуры, с. Красноселькуп, Красноселькупский район ЯНАО, фото автора, 2008 г.; 4, 5 — Качели в с. Фарково, Туруханский район Красноярского края, фото автора, 2014 г.; 6 — Качели на стойбище Немнякит, Туруханский район Красноярского края, фото автора, 2014 г.

изображающих женщин, могут быть серьги (медные цепочки или ниточки бисера) и налобные украшения из ниточек бисера. Куклы-дети, обычно пришитые к взрослой кукле-женщине, отличаются только небольшим размером — 3–5 см (МАЭ, № 4591-26,в). Грудные дети в люльках представляют собой небольшой тряпичный сверточек (МАЭ, № 1134-30) или маленький спеленутый клювик (МАЭ, № 4591-4), уложенные в небольшую игрушечную колыбельку (Малыгина, 1988: 130).

С. В. Иванов пишет, что у ненцев куклы с утиным клювом, заменявшим голову, были наиболее многочисленным видом. Кукольные головы могли изготавливаться не только из клюва дикой утки, но и из клюва гаги, гуся, турпана и лебедя. Клюв срезался с птицы вместе с лобной шкуркой. Иногда клюв заменяли чуркой, монетой, глиняным черепком, кусочком стекла и т. д. Куклам шили спальные мешки, одеяльца и другие вещи. Дети составляли из кукол целые семьи, приглашали в «чум», сделанный из трех палочек, «гостей» и разговаривали с ними (Иванов, 1970: 71-72).

Хантыйские куклы с головами-клювами были во всем аналогичны ненецким, но покроем их одежды был хантыйским. Как у кукол-мужчин, так и у кукол-женщин могли быть две косы, сделанные из сложенных вдвое и сшитых матерчатых полосок, туго обмотанных шерстяными нитками. Косы кукол, изображавших женщин, богато украшались различными металлическими подвесками, бусами, нитками бисера, в то время как у мужчин украшения отсутствовали. Размеры хантыйских кукол — от 12 до 18 см (Малыгина, 1988: 130). По данным С. В. Иванова, ханты, как и ненцы, в прежнее время изготавливали целые семьи таких кукол, они состояли из изображений отца, матери и детей, сшитых вместе. Дети хантов любили играть с куклой, лежащей в берестяной колыбели. Для кукол делали постели, подушки, циновки, сумочки и другие предметы.

Автор зафиксировала селькупские куклы с головой из птичьего клюва в Центре селькупской культуры села Красноселькуп, а также в школьном музее с. Толька Красноселькупского района ЯНАО. Одежда кукол была представлена трапециевидным/прямоугольным или прямоугольным и закругленным по низу кусочком сукна без рукавов или с рукавами, украшенным аппликацией и бисерными низками (в Красноселькупе), и зимней ягушкой (в Тольке) (Рис. IV. 2–3.).

Сведения о том, что у селькупов когда-то бытовала **кукла-скрутка**, такая же, как у хантов, автор получила во время полевой работы от одной своей информантки, селькупки по национальности («А я тут хантыйские куклы-скрутки нашла; у нас тоже такие же были»). Описание хантыйской куклы-скрутки дается в исследовании А. А. Малыгиной. Основой такой куклы обычно служит тряпичный жгут, сложенный пополам. В месте сгиба, как и у кукол с головами-клювами, пропускаются косы. По шее кукла обвязывается несколькими полосками материи. Туловище не имеет рук и ног. Сверху надевается верхняя одежда или куклу просто заворачивают в лоскутки материи, изображающие одежду. Пол и возраст куклы определяется ее размером, одеждой (глухая — мужская, распашная без рукавов — женская), а также наличием кос и всевозможных накосных, налобных, затылочных украшений у кукол-женщин. Размеры кукол варьируются от 4 см (дети) до 13 см (взрослые) (Малыгина, 1988: 130). Лицо куклы-скрутки оставляют пустым — глаза, нос и рот на нем не обозначаются.

Основу ненецких кукол-скруток составляет сложенный вдвое кусочек сукна (МАЭ, № 1038-7, 8) или бумаги (МАЭ, № 1231-34), завернутый в тряпки, изображающие одежду (Малыгина, 1988: 130). Эвенкийские тряпичные куклы из тряпичного свертка изображают только женщин и грудных детей. У некоторых кукол к туловищу пришиваются ноги — два тряпичных жгутика (МАЭ, № 3956-48) или руки (МАЭ, № 2003-9) из свернутых тряпочек. Черты лица у них не обозначаются, волос нет. Одежда по покрою идентична одежде эвенков, на голове платок или шапка, на ногах ровдужная обувь. Размеры 36–43 см (Малыгина 1988: 133). С этими куклами играли «в кочевку», «в гости». Для куколок-детей делали игрушечные колыбельки, подушки, одеяла» (Иванов, 1970: 147).

Следующий вид селькупских кукол, выделенный С. В. Ивановым — **куклы из бабок** (таранных костей надкопытных суставов оленя, фаланг пальцев и пястных суставов диких животных) и **косточек птиц**, одетых в платки и платья. Описание этого типа селькупских кукол опять же требует реконструкции. Судя по материалам народов общего с северными селькупам ареала проживания, традиция делать куклы из костей пришла к селькупам с вос-

тока. Аналогичные куклы имелись у кетов и эвенков. У ненцев и хантов С. В. Иванов и А. А. Малыгина их не зафиксировали.

У кетов этот вид куклы был единственным. Основу кетской куклы составляла обычно плечевая кость глухаря, белки или росوماхи с привязанными к ней скрученными из черных ниток косичками, соединенными ниткой бисера, одетая в меховое или матерчатое платье (МАЭ, № 4034-144, 145, 146) или завернутая в лоскуток материи (МАЭ, № 6641-40). Куклы из бабок изображали женщин, мужчин и детей. Кукол-детей, помещали иногда в маленькие деревянные колыбельки (МАЭ, № 4034-144) (Иванов, 1970: 126). Размеры кетских кукол были от 6 до 12 см (Малыгина, 1988: 132).

Хранящиеся в МАЭ эвенкийские куклы этого вида (МАЭ, № 4103-11, 12; № 6041-1, 16; № 3515-1) одеты в примитивную одежду из лоскутков ткани, перевязанных веревочкой или тряпчочкой, на «головы» их надеты платки. Эвенкийские куклы не имеют достаточно четких признаков пола. К этому же виду А. А. Малыгина относит куклу, основу которой составляет деревянная палочка (МАЭ, № 3515-3). Размеры кукол составляют 4–9 см (Малыгина, 1988: 133). Каждая такая кукла имела название, соответствовавшее имени того или иного члена семьи ребенка (Иванов, 1970: 147). С. В. Иванов в одном из музеев зафиксировал селькупскую куклу, сделанную из деревянной палочки (Иванов, 1970: 112).

В 2008 г. автор сфотографировала несколько кукол с основой из кости животного (вероятнее всего, оленя) в Центре селькупской культуры с. Красноселькуп. Образующая их голову бабка была обернута лоскутком из белой материи и сверху «покрыта» платком, черты лица никак не обозначались. Одежда не имела рукавов и представляла собой трапецевидный кусочек сукна или «колокольчик» из шелковистой ткани, держащийся на кукле с помощью вздержки на горловине. Кукол украшали косы/бусы из бисера и аппликация из ткани на одежде (Рис. IV. 2–3).

Трех селькупских **набивных кукол**, туловище, голова и руки которых сшиты из материи и набиты тряпками, поролоном или ватой, автор сфотографировала в витрине с самодельными детскими игрушками в музее школы-интерната села Толька (Красноселькупская) в 2012 г. Они были изготовлены мастерицами-селькупками из ткани, меха и ровдуги специально по заказу музея, лица у них отсутствовали. Этот же вид кукол был выявлен А. А. Малыгиной в эвенкийских коллекциях МАЭ (МАЭ, № 3956-48, 49; № 330-14): «Куклы, туловище которых с руками и ногами сшито из материи и набито тряпками или соломой. Голова также тряпичная, вставная. Черты лица могут быть обозначены чернилами. Одежда эвенкийского типа. Размеры 21–55 см» (Малыгина, 1988: 133). Набивные селькупские и эвенкийские куклы превосходят размерами все вышеописанные виды кукол. У ненцев и хантов набивные куклы ни С. В. Ивановым, ни А. А. Малыгиной отмечены не были.

В фондах МАЭ хранятся две селькупские парные **куклы**, исполнение которых не имеет сходства ни с одним из видов кукол, названных выше. Изображают они мужчину и женщину (МАЭ, № 210-1, 2). У первого изображения голова, туловище и ноги вырезаны **из цельного куска дерева**, руки сделаны в виде жгутиков из холста. **Черты лица куклы четко обозначены** вплоть до морщин и зубов. Голова обклеена кусочком кожи с остатками шерсти, изображающей волосы. От затылочной части головы идут косы — два кожаных жгута, плотно обмотанных красной нитью. Туловище и ноги обернуты в серую холстину. На куклу надета верхняя одежда из кожи, к рукавам пришиты рукавицы, на ногах — высокая обувь из замши. Кукла-мужчина полностью идентична кукле-женщине вплоть до выражения лица. На кукле надеты высокие замшевые сапоги с вязками, глухая верхняя одежда из материи красного цвета с зеленой полосой. По подолу и обшлагам рукавов пришиты полосы кожи. Пояс кожаный, к нему на веревочке привязан деревянный кинжал (МАЭ, опись колл. № 210).

Аналогичное кукольное изображение имеется в эвенкийских коллекциях МАЭ (МАЭ, № 273-29), и здесь оно тоже единственное в своем роде. Эвенкийская кукла вырезана целиком из куска дерева с ногами и без рук, у нее грубо обозначены монголоидные черты лица:

приплюснутый нос, небольшой рот, подбородок. В глаза в виде просверленных отверстий вставлены маленькие черные бусины. Кукла одета в меховую одежду, к поясу прикреплено охотничье снаряжение. Размер ее составляет 18 см (Малыгина, 1988: 133).

Наличие эвенкийского аналога обязывает выделить двух деревянных селькупских кукол с проработанным лицом в пятый вид селькупской куклы. При этом рядом с ним придется поставить знак вопроса, поскольку в западносибирской изобразительной традиции лица прорабатывались только у фигурок духов (тоже нередко называемых куклами). Возможно, конечно, предположить, что на исполнение этих двух селькупских и одной эвенкийской кукол повлияла какая-то традиция, попавшая в Западную Сибирь точно и издалека, но автор больше склоняется к мысли, что все три куклы изображают духов, а в игрушки они были записаны по ошибке.

Прежде чем продолжить рассмотрение селькупских кукол, автору кажется важным прояснить вопрос, почему у селькупских, ненецких, хантыйских и эвенкийских кукол были пустые лица, и отчего у хантов, например, в начале XX в. исследователями был зафиксирован прямой запрет играть с куклой, у которой имелось лицо (Иванов, 1970: 17).

Найти этому явлению объяснение логично именно сейчас, когда куклы с не определяемой точно функциональной принадлежностью перекинули смысловой мост от куклы-игрушки к изображениям духов (или обрядовой кукле, если говорить на языке специалистов, изучающих кукол во всем их диапазоне). Ю. М. Лотман писал, что первоначально куклы возникли и существовали в непосредственной связи с сакральным (Лотман, 1988:379). Лучшим образом связь кукол-игрушек с миром сакрального вскрывает материал, найденный автором в интернете в исследовательской работе по родной культуре школьника из г. Саранпауль. В нем рассказывается о детских куклах коми. Одна из них — кукла-скрутка, называемая «берегиня детского сна», служила детским оберегом и замещала матерей в обязанности укачивать ребенка на ночь. Лицо куклы шили из светлой ткани, украшали кружевом или узорной тесьмой. Черты лица не рисовали, оставляли куклу безликой, оберегая детей от «недобрых глаз куклы». Коми считали, что у кукол есть душа, и она «искажается», если мастеру «не удастся» выражение лица куклы. Пеленая «берегиню сна», напевали колыбельную песню и называли куклу ласковыми словами — «Солнышко», «Звёздочка», «Сахарочек», «Мой сладенький».

Игры с другими тряпичными куклами — *акань*, как представлялось коми, влияли на будущее семейное счастье и плодовитость девочек. Девочки, которые, играя, раздавали своих кукол подругам, в будущем могли остаться без семейного счастья и благополучия. Количество тряпичных кукол *акань* в игрушечной семье, как правило, соответствовало количеству членов реальной семьи ребенка. При этом кукол никогда не называли именами членов семьи, боясь установления их связи с игрушечными двойниками и возможности сглаза и порчи. Родители, наблюдая за изготовлением девочками тряпичной одежды для кукол, строго следили за тем, чтобы *акань* (так же как кукла «берегиня сна»), шилась только из лоскутов новой ткани, использовать лоскутки от старой одежды запрещалось. Наряды из чьей-то старой одежды превращали куклу в двойника ее хозяина, после чего при определенных манипуляциях с куклой, например, при закапывании ее в землю, создавалась угроза его здоровью и жизни (Кириченко, эл. ресурс).

По аналогии с куклами коми можно считать, что еще не так давно все традиционные куклы-игрушки были не только игрушками, но и духами-оберегами. Отсутствие у кукол лиц и ряд запретов в обращении с ними должны были оберегать детей и их семью от случайной или намеренной злокозненности этих духов. Куклы-игрушки произошли от изображений духов и воспринимались духами еще очень долго, вплоть до современности, когда стала сдавать позиции вся традиционная культура.

Этот вывод делает понятным, почему, согласно сопроводительной информации, оберегами выступают также две ненецкие игровые куклы МАЭ: «В МАЭ хранится кукла-сядэй,

сделанная для мальчика и данная ему “на счастье” (колл. 1348-43). Другая куколка, имеющаяся в МАЭ, из кусочков ткани, с лицом из медной монеты, дана была ненцем своему взрослому сыну при отправлении его на зимовку. Она должна была охранять последнего (колл. 1930-1)» (Иванов, 1970: 72).

В селькупском комплексе из трех куколок, привезенных для Новосибирского музея И. Н. Гемуевым, все выглядит наоборот: изображения интерпретируются индивидуальными духами-покровителями, но по исполнению больше напоминают куклы-игрушки. «С. Р. Магичев, которому они принадлежали, рассказал об изображениях следующее: «Я и не знал, что мне это приготовлено. Когда мне 18 лет исполнилось, из сундука мать достала и мне дала (фигурку мужчины). Когда женился — дали женское. Когда сын родился — детское дали». Фигурки, изображавшие мужчину и женщину, сделаны из свинца, на каждом из них надет комплект зимней одежды. Изображение ребенка представлено в виде «одеяльца» с завязками и маленькими металлическими подвесками, сама фигурка ребенка отсутствует (Гемуев, 1984: 106–107, см. также рис. 10). Лица у фигурок мужчины и женщины, что видно из рисунка к тексту, не проработаны.

Приведенные примеры показывают, что грань между изображением духа и куклой-игрушкой очень тонка, что игрушка выполняла функции индивидуального духа-оберега, а духи-покровители человека выглядели как игрушки.

Выводы о первоначальной сакральной функции кукол можно дополнить, обратившись к мифологии народов, у которых бытуют куклы с головой из клюва утки. «По представлениям хантов, гусь или утка символизировали женщину, а вместе с ней деторождение» (Иванов, 1970:14). В селькупском мировоззрении утка имеет схожую символику и обладает немалым значением. В мифологической картине мира селькупов утки — небесные птицы — живут около дома «жизненной» старухи *Илынты кота*, Матери всех селькупов. Ее дом расположен в верховьях реки, в семейном животворящем болоте, на самом «верху», на юге. В вертикальной картине мира *Илынты кота* проживает на небе. Старуха ведает вопросами жизни и смерти человека: дает новорожденному березу для первой люльки и кедр для последнего пути умершему. *Илынты кота*, в одном варианте, сама охраняет жизнь женщины при родах, в другом, посылает охранять жизнь роженицы уток. Утки в мировоззрении селькупов — символ жизни, поэтому в гроб умершему никогда не клали подушку из утиных перьев. Утки входили в число главных атрибутов Жизненной Старухи, отчего возможна трактовка образа Старухи как священной Утки. Значительность мифическим уткам придавало также то, что они были важной частью питательного рациона селькупов. Существовало представление, что гуси и утки посылались Небесной Старухой с неба. Она через небесную дыру бросала на землю птичьи перья, и они, долетая до земли, становились утками, гусями, после чего люди их добывали и наедались досыта. В прошлом в охоте на весенних перелетных птиц принимали участие все селькупы — от детей до стариков. Она походила скорее на общинную церемонию встречи птиц, чем на обычный промысел (Степанова, 2016). Т. е. куклы с головой из утиных клювов воплощали в себе дающего жизнь предка, женщину-мать, оберегали жизни детей и всех людей.

Если считать клюв костью, то куклы с головой из утиного клюва можно объединить в один класс с куклами из костей животных. Всех вместе кукол из костных остатков можно подвести под распространенную в традиционных обществах идею о кости как о символе жизненного родового начала человека и животного. Следовательно, кость, применяемая в изготовлении кукол, была тем элементом, который исполнял в них функцию оберега. В представлениях селькупов кость олицетворяла духа, выступала духом, примером чему может служить отрезанный палец давно умершего шамана Гордейки, который использовался как дух-помощник его потомками-шаманами (Степанова, 2010: 181–183).

Сакральную сущность можно предполагать и в селькупских игрушках, изображающих животных. Ведь неспроста, например, изображение оленя, изготовленное из веточек березы

во время селькупского обряда оживления бубна, описанного Г. Н. Прокофьевым (Прокофьев, 1930), а также деревянное изображение духа — домашнего покровителя в образе оленя, приведенное в книге С. В. Иванова (Иванов, 1970: 118, рис. 106), идентичны изображениям селькупских игрушечных оленей. Эта мысль еще лучше подтверждается на эвенкийском материале: в прошлом дети эвенков устраивали игру «в шаманство», для которой из дерева изготавливались маленький бубен с колотушкой, изображение шамана-предка и фигурки лосей, оленей, коней, птиц и пр. (Иванов, 1970: 144).

О личных, родовых и шаманских духах, выступавших защитниками, помощниками и покровителями, ученые записали у селькупов значительно больше сведений, чем о куклах-игрушках. В музеях изображения селькупских духов представлены намного шире игровых кукол. Уже из этих фактов можно заключить, что изображения духов были первичны, от них произошли куклы-игрушки, и что четкого разделения между изображениями духов и куклами-игрушками раньше не было.

В шестой вид селькупских кукол автор выделила персонифицированное изображение духа **Кандальджюка/Кандальдука**. По технике исполнения — из цельного куска дерева, с проработанным лицом — оно идентично пятому виду кукол. Стать отдельным видом эта кукла удостоилась потому, что одновременно является и игрушкой, и, вне сомнений, изображением духа, она, единственная из всех рассмотренных игрушек, персонифицирована, а также имеет свой типологический ряд, включающий несколько изображений. По сведениям С. В. Иванова, взятым из музейной описи, Кандальдук — «легендарный старик, якобы разъезжавший по реке и воровавший рыбу из морд и сетей» (Иванов, 1970: 115). Если говорить точнее, в мифологических представлениях селькупов Кандальдук — хромой дух высокого ранга со сложной характеристикой, приводить ее здесь нет смысла, так как она не важна для данного исследования, здесь важно то, что это дух. Куклы, изображающие Кандальдука, имеются в трех музеях (РЭМ, № 1273-79, 80; КМ, № 10-4; ЕМ, № 20097). Информация о Кандальдуке и его изображениях содержится в публикациях Г. И. Пелих (1998). Автор также располагает устным сообщением коллеги И. А. Грачева о том, что фигуркой безногого Кандальдука играют дети в селе Богучаны на Ангаре, и оно населено жителями, носящими известную селькупскую фамилию Безруких. Изображение Кандальдука из РЭМа представляет собой антропоморфную фигуру с подвижными конечностями. Ноги ее свисают свободно, руки, прикрепленные к горизонтальной палочке, при повороте ее вытягиваются вперед, в руках у старика весло. «Сделав изображение Кандальдука, баишенские селькупы усаживали его на пол, поворачивали палочку с руками и пели песни» (Иванов, 1970: 115). Наличие среди изображений Кандальдука механической игрушки служит еще одной особенностью этого вида кукол. У Кандальдука из Красноярского музея вытянутое туловище, несколько вытянутый живот, на груди семь поперечных нарезков, обозначающих ребра, голова заострена, нос широкий, подбородок выдается вперед и также заострен, на месте глаз прибиты два металлических кружка. Высота скульптуры 37,5 см (Иванов, 1970: 115).

Изображение Кандальдука являет собой еще одно доказательство того, что все куклы сначала были изображениями духов. Сохранившиеся в кукле признаки духа (имя и проработанное лицо) говорят о том, что, возможно, превращение ее в игрушку из обрядового изображения произошло позднее, чем, например, у кукол с головой из клюва утки. Не исключено также, что в Кандальдуке, как и в пятом виде селькупских кукол, проявилась какая-то традиция, противоположная традиции делать кукол безликими.

1.4. Игрушка для младенцев

Сакральная природа следующего типа североселькупской игрушки (уже не куклы) — игрушек для младенцев — бубенцов, погремушек из птичьих (утиных, глухариных) клювов, челюстей мелких животных (оленят, зайчат) и т. д. — тоже не подвергается сомнениям. Все

эти предметы, что было многократно зафиксировано исследователями, привешивались к детским колыбелям с одной целью — охранять ребенка от злых потусторонних сил. Эти игрушки выполняли функцию оберегов и представляли собой духов-охранителей. В глубинных слоях мировоззрения селькупов обнаруживается представление о ребенке в возрасте до года, как о существе, явившемся из мира духов, имеющем природу духа, «беззубом» недочеловеке, представляющем для людей определенную опасность. Следовательно, совсем-совсем давно, бубенцы и погремушки охраняли также взрослых от младенцев, видевшихся духами (Степанова, 2010: 139–154).

В основе веры в защитные свойства птичьих клювов и челюстей животных лежит религиозная идея о происхождении человека от животного. У селькупов она включает уже названные представления об утке-покровительнице детей и женщин, о кости — матрице животного-предка, а также еще не упоминавшееся первобытное убеждение, что младенец приходит в этот мир через клюв/рот/пасть той птицы или того животного, чьему роду он, как считается, принадлежит. В бубенцах сакральное значение имеет звук, он тоже полагается духом, от которого люди ждут охранительных действий. Представления селькупов о бубенцах/колокольчиках, кости, птичьим клюве и челюсти животного рассматривались автором в ряде работ (Степанова, 2010; 2014).

1.5. Качели

Во время экспедиционных поездок внимание автора обращали на себя самодельные детские **качели** разных видов (подвешенные и балансирующие), они встречались повсюду — на приусадебных участках домов каждого поселка и почти на каждом стойбище (Рис. IV. 4–6). Конечно, качели не совсем игрушка, скорее игровой снаряд, но отнести к игрушкам его вполне правомерно. Автор выделяет качели в пятый тип селькупских традиционных игрушек (игровых снарядов/приспособлений), поскольку с ними у селькупов и некоторых их соседей связан ряд очень древних, уходящих в область сакрального, представлений. В шаманской практике и фольклоре селькупов качание — на ногах, в люльке, «в мыслях» имеет семантику перехода границы миров и приобретения этим путем «новых качеств», в частности оживления-возрождения качающегося объекта (Степанова, 2010: 127). У кетов считалось, что качание на особых, разных для мужчин и женщин, качелях может обеспечить возрождение промысловых животных. Их устраивали после окончания массовой охоты на копытных на больших стойбищах. Отпраздновать удачную охоту сюда съезжалось несколько семей. Сам ритуал качания воспринимался как одно из магических средств возрождения добытых животных (Мифы, предания..., 2001: 17). По логике автора, когда данная семантика качания и качелей была забыта, качели превратились в детскую забаву, что, в общем-то, как было рассмотрено выше, произошло и с другими обрядовыми предметами, ставшими игрушками.

Возможно, что у селькупов были и другие типы игрушек, например, головоломки, как у обских угров, или мячи, как у эскимосов, но так как в имеющихся селькупских материалах по игрушке не содержится никаких указаний на существование этих типов, автор считает их воссоздание неправомерным.

Игрушки, как считалось у селькупов, развивали в мальчиках навыки охотника и оленевода, помогали получать знания о природе; девочки, играя, обучались ведению хозяйства, обращению с детьми и мастерству пошива одежды. Наука определяет прагматическое значение игрушки как исключительное для становления человеческой личности: «Она оказывает существенное влияние на формирование личности ребенка, в значительной степени детерминирует его ментальные и поведенческие реакции, а также играет определяющую роль при социализации и гендерной идентификации, освоении социальной и природной среды и адаптации к ней в раннем детстве» (Морозов, 2011: 16).

Заключение

Итак, в исследовании были выявлены и описаны (с использованием метода реконструкции) пять типов традиционной игрушки и шесть видов куклы, бытующих у северных селькупов. Исследование определило традиции изготовления игрушек, пришедшие к селькупам от хантов, ненцев и эвенков — народов, имевших тесные контакты с северными селькупам на границах ареала проживания. Были отмечены изменения, которые претерпела традиционная селькупская игрушка за последние несколько десятилетий.

В изучении семиотического статуса селькупской игрушки было уделено внимание не только «вещности» — манере и традициям исполнения игрушки, но и ее «знаковости». В результате анализа некоторых загадочных элементов игрушечного облика и нетипичных случаев использования игрушки, автор пришла к выводу, что вся селькупская игрушка — антропоморфные и зооморфные куклы, погремушки и даже качели — имеет связь с сакральным и происходит от сакрального. Куклы и погремушки в прошлом были изображениями духов, которые выполняли функцию духов-охранителей. У некоторых кукол и всех погремушек эта функция сохраняется и сегодня. Через описание «вещности» и «знаковости» селькупская игрушка была поставлена в социокультурный контекст и определено ее место в традиционной селькупской культуре.

Литература:

- Байбурин А. К.** Семиотический статус вещей и мифология // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: Наука, 1981. Т. 37. С. 215–226.
- Гемуев И. Н.** Семья у селькупов (XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 156 с.
- Иванов С. В.** Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX вв. Л.: Наука 1970. 295 с.
- Кириченко Д.** Традиционные коми игрушки и их роль в воспитании детей // эл. ресурс — <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2018/12/23/issledovatel'skaya-rabota-traditsionnye-komi-igrushki-i-ih-rol-v>
- Лотман Ю. М.** Куклы в системе культуры // Избранные статьи в 3-х томах. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 377–380.
- Малыгина А. А.** Куклы народов Сибири (по коллекциям МАЭ) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сборник МАЭ. Т. XII. Л.: Наука, 1988. С. 129–139.
- Мифы, предания, сказки кетов. Составление, предисловие, комментарии и глоссарий Е. А. Алексеенко. М: Восточная литература РАН, 2001. 343 с.
- Морозов И. А.** Феномен куклы в традиционной и современной культуре. М.: Индрик, 2011. 352 с.
- Пелих Г. И.** Селькупская мифология. Томск: ТГУ, 1998. 79 с.
- Прокофьев Г. Н.** Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Известия ЛГУ. Т. II. Л.: ЛГУ. 1930. С. 365–373.
- Степанова О. Б.** Колокольчик в традиционной культуре северных селькупов // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 437–443.
- Степанова О. Б.** Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. СПб., Абакан: Петербургское Востоковедение, 2010. 303 с.
- Степанова О. Б.** Селькупский праздник встречи перелетных птиц: прошлое и настоящее // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. СПб: МАЭ РАН, 2016. С. 282–290.

Степанова Ольга Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Университетская наб., д. 3, г. Санкт-Петербург, 199034.

E-mail: stepanova67@mail.ru

Материал поступил в редакцию 26 августа 2021 г.

O. B. Stepanova

TRADITIONAL NORTHERN SELKUP TOY

The traditional toy of the northern Selkups, today almost forgotten by them, has not yet been studied by anyone. Meanwhile, it is a vivid fragment of the traditional Selkup culture. The research aimed to return this element of their culture to the Selkup people in the form of a scientific description. Based mainly on museum materials and partly from the author's field materials, five types of toys of the northern Selkups were identified and considered, including six types of dolls. Due to the lack of Selkup material, the method of scientific reconstruction was actively used in the study. Descriptions of the types and types of toys recorded by the Selkups were recreated based on the materials of toys of neighboring peoples. Along the way, it was established which traditions — West Siberian and East Siberian — influenced the formation of the appearance of a particular type / type of toy among the Selkups. The question of the connection between the North Selkup toy — a thing of utilitarian meaning — with the sacred, or, in other words, the question of its symbolic meanings, was considered. The author came to the conclusion that all types and types of Selkup toys in the past were sacred ritual objects, and that in the semiotic status of a toy, the ratio of “sign” and “thing” over time shifted towards the “thing”. The study was completed by the materials included in it on the current state of the traditional North Selkup toy.

Keywords: *Northern Selkups, Nenets, Khanty, Evenki, Keto, traditional culture, traditional toy, semiotic status of a thing.*

References:

- Bayburin A. K.** Semioticheskiy status veshchey i mifologiya [The semiotic status of things and mythology]. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad: Nauka, 1981. Vol. 37. P. 215–226. (in Russian)
- Gemuev I. N.** Family among the Selkups (XIX — early XX century). Novosibirsk: Nauka, 1984. 156 p. (in Russian)
- Ivanov S. V.** Skulptura narodov Severa Sibiri XIX — pervoy poloviny XX vv. [Sculpture of the peoples of the North of Siberia in the 19th — first half of the 20th centuries]. Leningrad: Nauka, 1970. 295 p. (in Russian)
- Kirichenko D.** Traditsionnyye komi igrushki i ikh rol' v vospitanii detey [Traditional Komi toys and their role in raising children]. <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2018/12/23/issledovatel'skaya-rabota-traditsionnye-komi-igrushki-i-ih-rol-v>
- Lotman Yu. M.** Kukly v sisteme kul'tury [Dolls in the system of culture]. Izbrannyye stat'i v 3-kh tomakh [Selected articles in 3 volumes]. Tallinn: Alexandra, 1992. Vol. 1. P. 377–380. (in Russian)
- Malygina A. A.** Kukly narodov Sibiri (po kollekttsiyam MAE) [Dolls of the peoples of Siberia (according to the MAE collections)]. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad: Nauka, 1988. Vol. 42. P. 129–139. (in Russian)
- Mify, predaniya, skazki ketov. Sostavleniye, predisloviye, kommentarii i glossariy Ye. A. Alekseyenko [Myths, legends, tales of the Kets. Compilation, foreword, comments and glossary by E. A. Alekseenko]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 2001. 343 p. (in Russian)
- Morozov I. A.** Fenomen kukly v traditsionnoy i sovremennoy kul'ture [Phenomenon of a doll in traditional and modern culture]. Moscow: Indrik, 2011. 352 p. (in Russian)
- Pelikh G. I.** Sel'kupsкая мифология [Selkup mythology]. Tomsk: TGU, 1998. 79 c. (in Russian)
- Prokofiev G. N.** Tseremoniya ozhivleniya bubna u ostyako-samoyedov [Ceremony of reviving a tambourine among the Ostyak-Samoyeds]. Izvestiya LGU [Izvestia LSU]. Vol. II. Leningrad: LGU. 1930. P. 365–373. (in Russian)
- Stepanova O. B.** Kolokol'chik v traditsionnoy kul'ture severnykh sel'kupov [Bell in the traditional culture of the northern Selkups]. Radlovskiy sbornik: Nauchnyye issledovaniya i muzeynyye proyekty MAE RAN v 2013 g. [Radlov collection: Scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2013]. Sankt-Petersburg: MAE RAS, 2014. Pp. 437–443. (in Russian)
- Stepanova O. B.** Traditsionnoye mirovozzreniye sel'kupov: predstavleniya o krugovorote zhizni i dushe [The traditional worldview of the Selkup: ideas about the cycle of life and soul]. Sankt-Petersburg, Abakan: Peterburgskoye Vostokovedeniye, 2010. 303 p. (in Russian)

Stepanova O. B. Sel'kupskiy prazdnik vstrechi pereletnykh ptits: proshloye i nastoyashcheye [Selkup holiday of meeting migratory birds: past and present]. Radlovskiy sbornik: Nauchnyye issledovaniya i muzeynyye projekty MAE RAN v 2015 g. [Radlov collection: Scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2015]. Sankt-Petersburg: MAE RAS. 2016. P. 282–290. (in Russian)

Stepanova Olga Borisovna, candidat of historical science, senior research fellow.

RAS, Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkamera).

3 Universitetskaya emb., St. Petersburg, Russia, 199034.

E-mail: stepanova67@mail.ru